

С. И. Лиман

Изучение истории Реформации и религиозных войн в трудах медиевистов Украины (1805–первая половина 80-х гг. XIX в.)

История европейской Реформации и религиозных войн принадлежит к числу наиболее изученных проблем в творчестве медиевистов Украины в 1805–первой половине 80-х гг. XIX в. В связи с этим их научное наследие неоднократно рассматривалось в отечественной историографии последних десятилетий. Однако историографические работы по данной теме представляли собой либо анализ творчества отдельных историков — И. В. Лучицкого [1, с. 189–193; 2, с. 315–317], М. Н. Петрова [1, с. 124; 2, с. 309; 3, с. 104–106; 4; 5], Н. Н. Любовича [6], либо разбор сочинений по истории Реформации отдельных стран [3, с. 104–106; 7, с. 61–63; 8, с. 230]. В последних случаях внимание уделялось трудам по истории немецкой Реформации. Попытка комплексного исследования данной проблемы, которое включало бы в себя анализ всех работ медиевистов Украины по истории Реформации в Германии, Франции, Швейцарии, Нидерландах, Польше предпринимается впервые.

Характерной особенностью начального этапа отечественной медиевистики была низкая научная продуктивность ученых. По этой причине до середины XIX в. история Реформации и религиозных войн рассматривалась лишь в актовых речах и в курсах университетских лекций.

Впервые этой проблемы коснулся в своей актовой речи «Критика истории и ее защита» (1808) харьковский профессор французского происхождения А. А. Дегуров (А. Дю Гур) (1765–1849). По его мнению, Нантский эдикт, положивший конец продолжительным религиозным войнам во Франции, способствовал значительному процветанию страны. В связи с этим гонения на гугенотов наряду с разрушительными внешними войнами А. А. Дегуров считал главными причинами ослабления Франции к концу XVII в. [9, с. 35]. Приверженцем веротерпимости ученый обнаружил себя и при разборе последствий немецкой Реформации. «Так, войны за веру, опустошившие Германию, — отмечал он, — доказали государям, что всякое гонение за мнение рождает одно бедствие и что терпимости населяют и обогащают царства» [9, с. 35].

В общеметодологических вопросах отечественная либеральная интеллигенция 30–60-х гг. XIX ст. находилась под сильным влиянием идей немецкого философа Георга Гегеля. Наиболее четко это влияние проявилось в творчестве известного харьковского медиевиста М. М. Лунина (1806–1844). М. М. Луин не только признавал вслед за Г. Гегелем, что в истории действуют «вечные, постоянные законы», но и высказал ряд самостоятельных новаторских положений. История, подчеркивал харьковский ученый, «должна заниматься не одними государствами, но и народами; она должна быть не только политическая» [10, с. 23]. Этот постулат нашел свое отражение в курсах его лекций по истории позднего средневековья. Один из них — «История Реформации» [11], другой в соответствии с хронологией, которая установилась в медиевистике XIX в., именовался «Историей нового времени» [12].

Эти курсы были посвящены главным образом истории немецкой Реформации и, фрагментарно, распространению в Швейцарии вероучения У. Цвингли. М. М. Лунин значительно шире, чем его современники французский историк Ф. Гизо и профессор Московского университета Т. Н. Грановский трактовал причины Реформации, подчеркивая не только церковные и политические, но и социальные и материальные причины этого явления. «Народы Германии, подобно всему свету, видели ясно, что целый ряд церковных отношений служит только орудием для поддержки чисто мирских планов», — отмечал М. М. Лунин [11, тетрадь 1, л. 1]. Центральную роль в немецкой Реформации ученый, естественно, отводил М. Лютеру, однако указывал при этом, что «Реформация началась простым академическим спором относительно индульгенций» [11, тетрадь 1, л. 3]. Лишь после издания произведения «К христианскому дворянству немецкой нации» М. Лютер, по мнению М. М. Лунина, «шел уже по стопам Гуса и в первый раз открыто и решительно отложился от Римской церкви» [11, тетрадь 2, л. 8].

Выступление М. Лютера М. М. Лунин рассматривал лишь как первый акт широкого общественного движения. В этом движении одно из центральных мест ученый отводил Великой Крестьянской войне, названной им в лекциях «восстанием мужиков». Следует подчеркнуть, что М. М. Лунин признавал всю закономерность данного события. «Дальнейшее развитие Реформации, — отмечал он, — вследствие ее влияния на духовное пробуждение в народе угрожало несравненно большим ниспровержением всех древних общественных форм, нежели какое могла произвести церковная или светская власть» [11, тетрадь 3, л. 10].

Историю Великой крестьянской войны М. М. Лунин рассматривал намного подробнее, чем делал это в своих «Лекциях» Т. Н. Грановский. Харьковский ученый последовательно разобрал ход крестьянских выступлений в Швабии, Франконии, Тюрингии. В контексте «Гессенско-Тюрингской войны мужиков» он рассматривал и деятельность Т. Мюнцера. Эту деятельность, как и самую Крестьянскую войну, М. М. Лунин изображал в целом весьма сочувственно, однако не одобрял зверств ее участников и отмечал, что «...учение Мюнцера приняло в скором времени опасный характер» [12, тетрадь 7, л. 7].

Историю немецкой Реформации рассматривал и другой известный харьковский медиевист М. Н. Петров (1826–1887). Этой теме был посвящен популярнейший из его трудов — очерк «Томас Мюнцер. Эпизод из истории церковной реформы в Германии».

В отличие от немецких исследователей Л. Ранке и В. Циммермана, которые усматривали причину Великой крестьянской войны прежде всего в религиозных и политических мотивах [13, с. XII; 14, S. 124–128], М. Н. Петров писал: «Только тяжкая материальная нужда, голод, мор, невыносимые потрясения, одним словом, экономические условия и причины в состоянии вызвать народный мятеж» [15, с. 6]. В истории немецкой Реформации харьковский ученый выделял две наиболее крупные фигуры — М. Лютера и Т. Мюнцера. При этом М. Н. Петров довольно резко высказался о результатах проповеди М. Лютера, которого называл «Виттенбергским папой»: «Вместо отвергнутой католической догмы он создал новую, протестантскую, вместо папского авторитета поставил свой собственный и стал смотреть на уклонившихся от него евангельских богословов, как на еретиков» [15, с. 21].

Если Л. Ранке и В. Циммерман дали отрицательную характеристику деятельности Т. Мюнцера, то М. Н. Петров оценивал эту деятельность иначе. «Как бы строго не смотреть на Мюнцера, — отмечал харьковский ученый, — считать ли его утопистом, мечтателем и энтузиастом, не понимающим истинных потребностей общества, заблуждавшимся на счет народа, который он слишком идеализировал, — во всяком случае, несомненно, что это был самый оригинальный и даровитый из вождей немецкой революции XVI века» [15, с. 42]. И вряд ли можно согласиться с советскими исследователями Б. Г. Вебером и Е. В. Гутновой, которые считали, что М. Н. Петров в конечном счете осудил Крестьянскую войну [2, с. 309; 3, с. 104–106]. Харьковский ученый осуждал

лишь насилия, которые совершали восставшие, но в то же время подчеркивал, что итогом восстания были как «моральные перемены», так и изменения «понятий и чувств». «Территориальная аристократия после такого удара никогда уже с тех пор не могла поднять головы, — отмечал М. Н. Петров. — Она обеднела и измельчала, упала духом... Она помнила всегда урок предков реформационного века» [15, с. 43].

Из всех ученых рассматриваемого периода наибольший вклад в изучение истории Реформации и религиозных войн внес киевский медиевист, профессор университета Святого Владимира И. В. Лучицкий (1845–1918). Яркий представитель социально-экономического направления в отечественной историографии, последовательный приверженец новой позитивистской методологии, он рассматривал историю реформационного движения на примере Франции. Эта тема впервые была затронута им в пробной лекции «Мишель Лопиталь» (1870) [16] и получила дальнейшее развитие в ряде его научных работ. Среди них — диссертация для получения звания приват-доцента «Гугенотская аристократия на юге после Варфоломеевской ночи» (1870) [17], магистерская диссертация «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» (1871) [18], докторская диссертация «Католическая лига и кальвинисты во Франции» (1877) [19]. Эти работы по первоначальному замыслу автора должны были стать частью обширного многотомного труда «История феодальной реакции во Франции в XVI и XVII вв.». И хотя этот замысел не был до конца осуществлен, написанное И. В. Лучицким вполне позволяет говорить о его собственной концепции рассматриваемого явления.

В основе этой концепции лежало отказ от трактовки Реформации во Франции и последующих гражданских войн как явления сугубо религиозного характера. Таким образом, И. В. Лучицкий порвал с традицией, которая установилась во французской историографии в XVIII–начале XIX вв.

Для создания собственной концепции истории французской Реформации И. В. Лучицкий осуществил большую источниковедческую работу. Если для написания диссертации *pro venia legendi* и магистерской диссертации ученый привлек лишь материалы Петербургской публичной библиотеки, главным образом мемуарную литературу, то работе над докторской диссертацией предшествовало тщательное изучение рукописных документов в архивах нескольких южнофранцузских городов, а также библиотеки Мазарини и Национальной библиотеки Парижа. Это позволило автору детально проследить внутренние, глубинные процессы, происходившие в лагере гугенотов, на которые не всегда обращали внимание его предшественники.

Одна из главных задач И. В. Лучицкого заключалась в том, чтобы выяснить причины распространения протестантизма во Франции. Ученый считал данное явление вполне закономерным в тех исторических условиях. «Эти события, — отмечал он, — происходили как раз в то время, когда то положение, в каком находилась Франция, вполне благоприятствовало возникновению внутренних волнений и создавало богатую почву для возобновления только на время прекратившейся борьбы между средневековым порядком вещей и королевской властью» [18, с. 24].

Такой подход потребовал от И. В. Лучицкого глубокой реконструкции как политической, так и социальной структуры Франции XVI в. Детальный анализ социальной структуры французского общества позволил ему прийти к выводу о том, что «дворянство составляло главную и наиболее опасную для правительства силу, так как и по своему положению, как привилегированное сословие в государстве, и по своим традициям и духу оно заключало в себе наибольшее число оппозиционных элементов и всегда было готово с оружием в руках защитить свои права и вольности против нарушений со стороны короля» [18, с. 29]. Между тем, именно с окончанием неудачных для Франции Итальянских войн положения дворянства значительно ухудшилось. Во французском реформационном движении И. В. Лучицкий выделял и другую мощную силу —

сепаратистски настроенную буржуазию южнофранцузских городов [18, с. 36–37], однако главную роль он все-таки отводил южнофранцузской аристократии [17, с. 5; 18, с. 29–30]. «Стремление восстановить свои права и вольности, попираемые властью, недовольство ее действиями, заключенным миром, грабежами правительственных чиновников, развратом двора, истощением средств страны, возбуждало и знать, и буржуазию и подвигало их к неповиновению, к восстанию», — подчеркивал ученый [18, с. 41].

Признание И. В. Лучицким за аристократией и дворянством Юга решающей роли в религиозных войнах требовало более доказательной связи между теорией и практикой кальвинизма. Такая доказательная связь была установленная ученым в результате анализа письменного наследия Жана Кальвина. «В том виде, как кальвинизм вышел из рук своего творца Кальвина, он гораздо более склонялся к аристократической форме правления, чем к какой-либо другой», — отмечал И. В. Лучицкий [17, с. 7]. Таким образом, тезис ученого о социально-политическом характере французской Реформации получил еще одно подтверждение.

Временем зарождение в Франции реформационных идей И. В. Лучицкий справедливо считал 1512 г., когда основные идеи будущей Реформации М. Лютера высказал французский гуманист Лефевр д'Этапль. Однако основное внимание в трех своих монографиях исследователь уделил периоду с 1572 по 1579 г. — от Варфоломеевской ночи до издания королевского ордонанса, в основном удовлетворявшего требования Генеральных штатов в Блуа. Замысел автора относительно издания нового тома, в котором излагались бы последующие события, так и не был осуществлен. Таким образом, наиболее полно в работах И. В. Лучицкого были описаны события в основном второго периода религиозных войн.

Эпохальным событием в истории этих войн ученый считал именно Варфоломеевскую резню. Резня, по мнению И. В. Лучицкого, привела к тому, что «общее недовольство, соединенное со стремлением восстановить старый порядок, охватило большую часть дворянства» [17, с. 12]. При этом именно дворянству и аристократии ученый не отказывал в той последовательности и решительности, в которой, по сути, отказывал буржуазии. Таким образом, главной движущей силой борьбы против королевской власти на этом этапе И. В. Лучицкий считал ту же социальную силу, которая противодействовала централизации и в предшествующие века — силу феодального сепаратизма.

Из признания ученым того факта, что с 1572 г. главным врагом гугенотской партии стали уже не Гизы, а королевская власть, логически вытекал его важнейший вывод об изменении общего характера религиозных войн. «До резни, — писал И. В. Лучицкий, — на первом плане стояли религиозные вопросы... Политические тенденции или были очень слабы, или же, если и заявлялись, то в крайне умеренных и сдержанных выражениях... Напротив, с 1572 г., а в особенности с 1573 г. политические интересы выступили на первый план; религиозные же... не были уже главным и существенным для гугенотов» [17, с. 301–02]. Эту мысль ученого, которую он в дальнейшем будет подчеркивать неоднократно [19, с. 40–41], подтверждал представленный им разбор гугенотских тираноборческих памфлетов. Их анализ и реконструированная на основе этого анализа вертикаль власти в Гугенотской конфедерации позволила И. В. Лучицкому прийти к выводу о том, что несмотря на большую роль в политической системе гугенотов Генеральных штатов главная задача аристократии Юга состояла в восстановлении феодальной реакции в стране. Таким образом, под пером И. В. Лучицкого гугенотская партия предстала носителем главным образом реакционных идей. Между тем, подобный подход ученого делал довольно однобоким и уязвимым для критики его общий взгляд на Реформацию как на явление враждебное прогрессивной политике централизации страны.

В концепции И. В. Лучицкого о социально-политическом характере реформационного движения во Франции и о его новом содержании на втором этапе гражданских войн важное место занимал тезис о неизбежности постепенного сближения позиций гугенотского и католического дворянства [18, с. 411]. В то же время, такое сближение делало закономерным раскол в гугенотской партии между дворянством и буржуазией [18, с. 560]. И. В. Лучицкий убедительно показал, что аналогичные процессы в силу указанных причин были характерны и для партии католиков. Поскольку созданная ими Лига преследовала, по мнению историка, не столько религиозные, сколько политические цели, и поскольку в ней преобладал дворянский элемент, «буржуазия повсюду почти, во всех провинциях, куда только проникали агенты Гизов, выказывала... упорное сопротивление дворянской Лиге» [19, с. 97]. Подобные противоречия И. В. Лучицкий находил и в Гугенотской конфедерации: «Как и буржуазия католических городов, гугенотская буржуазия оказалась разлагающим элементом для партии, к которой она принадлежала» [19, с. 296–297].

Признание И. В. Лучицким за дворянством роли наиболее активного социального элемента в религиозных войнах вовсе не означало полного игнорирования им роли других общественных групп. Одной из несомненных заслуг ученого следует считать проведенный им анализ социального движения как горожан, так и крестьян. Однако и здесь, по мнению историка, в ходе борьбы обнаружились противоречия между разными слоями общества. Так, изображая ход крестьянского восстания в Дофине, И. В. Лучицкий показал, насколько отрицательно относилась к нему богатая буржуазия провинции [19, с. 501].

Монографии И. В. Лучицкого включали в себя и чрезвычайно широкий географический охват социально-политических движений во Франции. Ученым были подробно описаны события во многих провинциальных городах с указанием их внутренней специфики.

Однако несмотря на новаторский характер предложенной концепции содержание работ И. В. Лучицкого требует ряда серьезных уточнений. Так, при выяснении причин французской Реформации ученый не указал на влияние на Францию мировых экономических процессов, например «революции цен». А между тем именно «революция цен» в первую очередь способствовала обнищанию южнофранцузского дворянства, не приближенного ко двору, и сделала его силой, оппозиционной католической церкви и центральной власти.

Практически отсутствовал в работах И. В. Лучицкого и сравнительный анализ характера борьбы протестантов во Франции и в других странах. Наконец, снижала научную ценность работ киевского ученого сама незавершенность его общего замысла. Автор не стал продолжать данную тему, как планировал первоначально. Он завершил описание истории религиозных войн второстепенными событиями 1579 г. А между тем эволюция гугенотской и католической партий и сближения дворянства обоих лагерей гораздо доказательнее рассматривались бы на примере событий последнего периода войн и Нантского эдикта 1598 г.

Несмотря на определенные недостатки и явную описательность, которую признавал и сам автор [19, с. 1], работы И. В. Лучицкого по истории французской Реформации и религиозных войн стали крупным событием в отечественной и европейской медиэвистике. Эти фундаментальные труды в дальнейшем определили не только тематику исследований по Реформации, в которых центральное место стали отводить истории кальвинизма, но и общий подход к сути данного явления, который отличался от традиционных отказом рассматривать реформационное движение с конфессиональной точки зрения [20, № 4, с. 1–2]. В рассматриваемый период эти тенденции с особой силой проявились в творчестве ученика И. В. Лучицкого Н. Н. Любовича (1855–1935).

Н. Н. Любовичу удалось создать целиком самостоятельные научные исследования. Одним из них стал студенческий очерк «Марникс де Сент-Альдегонд как политический

писатель» (1877), другим — магистерская диссертация «История Реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарианцы» (1883).

Студенческий очерк Н. Н. Любовича базировался на тщательном изучении источников, прежде всего — работ самого Марникса де Сент-Альдегонда. Это обстоятельство, наряду с большим объемом произведения и самостоятельностью выводов, позволило Н. Н. Любовичу получить золотую медаль историко-филологического факультета Киевского университета. «Его сочинение, — отмечал в рецензии И. В. Луцицкий, — представляет научную работу, веденную самостоятельно и с талантом» [21, с. 54]. «Способ обращения с источниками, — подчеркивал далее рецензент, — показывает, что автор обещает сделаться полезным деятелем в науке» [21, с. 60].

Отзыв И. В. Луцицкого едва ли можно считать завышенным. В этом убеждает знакомство с самой работой Н. Н. Любовича. История кальвинизма рассматривалась им на примере двух стран — Швейцарии и Нидерландов. Доктрины Жана Кальвина, политическое устройство Женевы, причины быстрого распространения кальвинизма в Европе — вообще, в Нидерландах — в частности и роль Марникса де Сент-Альдегонда в борьбе восставших Нидерландов против тирании католической церкви и испанской монархии — таким было содержание работы Н. Н. Любовича. Ученый установил огромную степень влияния доктрин Жана Кальвина на всю последующую политическую и литературную деятельность Марникса и показал социально-политический характер кальвинистской Реформации в Нидерландах [22, с. 12, 111, 163, 170].

Наиболее важных научных успехов Н. Н. Любович достиг, обратившись к изучению истории Реформации в Польше. Следует отметить, что серьезных исследований в указанном направлении не проводилось до Н. Н. Любовича не только в украинских землях, но и в Российской империи в целом. Отсутствие интереса к польской истории на протяжении продолжительного времени было характерной особенностью отечественной историографии. Заметный вклад в преодоление в российском обществе уничижительного отношения к польской истории внесла магистерская диссертация Н. Н. Любовича «История Реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарианцы» (1883). Несмотря на то, что ученый опубликовал ее уже во время работы в Варшавском университете, она была написана в те годы, когда Н. Н. Любович состоял стипендиатом для приготовления к профессорскому званию при университете Св. Владимира в Киеве. В этом же университете состоялась и ее защита.

Для написания своей работы ученый использовал большое количество неизданных источников, главными из которых были синодальные протоколы малопольских церковных учреждений Якова Сильвия и корреспонденция кардинала Гозия. В связи с этим Н. Н. Любович ограничил рамки своего исследования пределами Малой Польши. Именно здесь из всех реформационных учений наибольшее распространение получили кальвинизм и антитринитаризм. «Общие же выводы относительно реформационного движения в Малой Польше, — указывал Н. Н. Любович, — целиком применимы и к Великой, куда по преимуществу проникли идеи лютеран и чешских братьев» [23, с. II].

Основную идею своей монографии ученый раскрыл в следующих словах: «Обыкновенно с религиозно-реформационным движением идет неразлучно целый ряд попыток реформировать и политические, и общественные, и экономические отношения и, притом, стремления к таким реформам не навеяны религиозными идеалами реформационного движения, а появляются еще задолго до него» [23, с. 36–37]. Главную причину польской Реформации Н. Н. Любович усматривал в борьбе шляхты против духовенства. В основе этой борьбы, по мнению автора, лежали противоречия из-за земельной собственности, обязанности шляхты платить церкви десятину и права последней привлекать к церковному суду светских лиц. При этом первые безуспешные попытки шляхты ограничить некоторые права и привилегии духовенства ученый относил еще к концу XIV в. [23, с. 37]. Н. Н. Любович убедительно показал, как в течение полутора столетий,

предшествующих Реформации в Польше, эта борьба, опасная в условиях слабости королевской власти, все более обострялась, постепенно приобретая характер открытого антагонизма. Теперь шляхта не только не хотела платить десятину, но и стремилась отобрать у духовенства его земли, подчеркивал автор [23, с. 41]. Поэтому начавшуюся в странах Западной Европы Реформацию сразу же приняла польская шляхта, используя ее как «оружие для победоносного выхода из борьбы с духовенством» [23, с. 42]. Выдвинув концепцию о том, что польская Реформация являлась продолжением полторавековой борьбы шляхты против духовенства, в основе которой лежали социально-экономические причины, а именно — стремление шляхты захватить церковные земли, Н. Н. Любович тем самым успешно преодолел ограниченность своих предшественников и современников, не придававших этому фактору сколько-нибудь серьезного значения [24]. Эта точка зрения была со временем высоко оценена в современной историографии [25, с. 27; 26, с. 85; 27, с. 71–72].

И все же, по нашему мнению, Н. Н. Любович представил откровенно монистический взгляд на эту проблему и явно не учел других причин описываемого явления. С одной стороны, можно считать вполне доказанным его тезис о том, что папская власть «не лежала тяжким бременем на Польше», а ее население не отличалось в эту эпоху большой религиозностью, что, в свою очередь, исключало возможность вспышки чисто религиозного протеста против Рима [23, с. 20, 43]. В то же время трудно согласиться с его утверждением об отсутствии какой бы то ни было связи между гусизмом, который нашел себе в начале XV в. в Польше немало последователей, и Реформацией в этой стране [23, с. 44–45]. «По духу... своему, — указывал Н. Н. Любович, — он (гусизм — С. А.) был совершенно чужд польскому народу: демократический характер этого учения не мог нравиться шляхетской Польше» [23, с. 45]. Между тем, в современной исторической науке утвердилось иное мнение, согласно которому одним из источников польской Реформации было гуситское учение, и реформационное движение здесь зародилось, таким образом, еще до выступления М. Лютера [27, с. 71]. Категоричность суждений Н. Н. Любовича по этому вопросу представляется тем более односторонней, что он не отрицал распространения в Великой Польше наряду с лютеранством учения чешских братьев [23, с. I–II].

В концепцию Н. Н. Любовича, не учитывавшую иных причин польской Реформации, кроме социально-экономических противоречий между шляхтой и духовенством, тем не менее, удачно вписывалась его трактовка движущих сил этого движения. Указав на узость социальной базы Реформации, автор назвал ее шляхетской. По его мнению, она затронула лишь высшие слои общества и почти не проникла в среду горожан и особенно крестьянства [23, с. 324]. Анализ визитации церковных учреждений, предпринятый в конце XVI в. по поручению краковского епископа Радзивилла, позволил Н. Н. Любовичу установить, что наибольшего распространения кальвинизм достиг в краковской епархии. «Кроме Кракова, Люблина и еще нескольких больших городов, — указывал ученый, — кальвинизм нигде не находит многочисленных приверженцев» [23, с. 324]. Выводы Н. Н. Любовича о движущих силах польской Реформации со временем утвердились в отечественной и польской исторической науке, а попытки изобразить ее как широкое народное движение, охватившее все слои общества, были относительно редки.

Большой фактический материал, собранный Н. Н. Любовичем, позволил ему изобразить подробный ход польской Реформации от ее возникновения до кульминационного пункта — Петроковского сейма 1562–1563 гг., на котором шляхта добилась частичного удовлетворения своих требований. Но хотя изложение причин поражения Реформации и не входило в задачи магистерской диссертации и было рассмотрено ученым уже в докторской диссертации «Начало католической реакции и упадок Реформации в Польше», автор все же затронул столь важный вопрос, как внутренний кризис кальвинизма

в стране, обусловленный появлением в ней различных сект [23, с. 347]. Ослабленные постоянными раздорами, лишённые прочной организации, кальвинисты, по мнению ученого, с течением времени все более подрывали свой авторитет в глазах общества. Поворотным пунктом в развитии польской Реформации Н. Н. Любович считал отделение от кальвинистов приверженцев крупнейшей секты — антитринитариев. С этого времени «реформационное движение не делает уже успеха», указывал автор в заключении [23, с. 347]. Отметим, что тезис о расколе в лагере Реформации как одной из причин ее поражения в современной отечественной медиевистике разделял даже К. Е. Ливанцев [27, с. 73], чье видение сущности рассматриваемой проблемы заметно отличается от изложения ее Н. Н. Любовичем.

Несмотря на то, что в напечатанной в скором времени работе Н. И. Кареева «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше» ее автор пытался доказать, что польская Реформация «была движением чисто религиозным» [28, с. 34], именно концепция Н. Н. Любовича определила характер дальнейших исследований по данной проблеме [29, с. 3; 30, с. 37].

Таким образом, медиевисты Украины в 1805–первой половине 80-х гг. XIX в. внесли большой вклад в изучение истории Реформации и религиозных войн. В их работах рассматривался ход реформационного движения в нескольких странах Европы: Германии, Франции, Швейцарии, Нидерландах, Польше. Наиболее заметных результатов в своих исследованиях достигли М. Н. Петров (история Великой Крестьянской войны в Германии), И. В. Лучицкий (история Реформации и религиозных войн во Франции), Н. Н. Любович (история Реформации в Польше). Эти исследования стояли на высоком уровне современной им науки, а многие их положения не утратили своей научной ценности и поныне. Попытки отечественных медиевистов трактовать историю Реформации главным образом с социально-экономической и политической точек зрения следует считать прогрессивной тенденцией того времени. Данная тенденция свидетельствовала о влиянии с середины XIX в. на отечественную историографию передовой позитивистской методологии, что и будет рассматриваться автором на примере изучения медиевистами Украины других проблем в рамках темы «Средневековая Западная цивилизация и Восточно-православный мир: общее и особенное (опыт исследования в Украине, 1805–первая половина 80-х гг. XIX в.)».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX–начале XX в. — Л., 1929. — Ч. 1.
2. Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. — М., 1985.
3. Вебер Б. Г. Историографические проблемы. — М., 1974.
4. Глубкин Ю. А., Могилка О. Н. М. Н. Петров как историк//ВХУ. — 1988. — Сер.: История.
5. Кедя М. Історія Реформації XVI ст. у висвітленні М. Петрова//Вісник Чернігівського педагогічного університету. — 2002. — Вип. 15. — Сер.: Історичні науки. — № 1.
6. Иванов Ю. Ф. Научная деятельность Н. Н. Любовича//Советское славяноведение. — 1980. — № 4.
7. Лиман С. І. Проблеми німецької історії й історіографії в працях медієвістів українських земель Російської імперії в 1805–1880-ті рр.//Вісник Харківської державної академії культури. — 2004. — Вип. 14.

8. Дятлов В. О. Російська історіографія Реформації: у пошуках історичного досвіду (друга половина XIX–початок XX ст.)//Україна і Росія в панорамі століть. — Чернігів, 1998.
9. Дегуров А. А. Критика истории и ее защищение//Собрание актовых речей от 30 августа 1808 г. — Х., 1808.
10. Лунин М. М. Речь о влиянии Вальтера Скотта на новейшие изыскания по части средней истории//Собрания актовых речей Харьковского университета от 30 августа 1836 г. — Х., 1836.
11. Лунин М. М. История Реформации [Рукописный конспект студента Д. Чирикова]. — Х., 1841//Отдел рукописей ЦНБ ХНУ. — 405/с. — 160 л.
12. Лунин М. М. Лекции по новой истории [Рукописный конспект студента А. Барышева]. — Х., б.г.//Отдел рукописей ЦНБ ХНУ. — 404/с: В 7 тетрадях. — 120 л.
13. Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии. — СПб., 1865. — Т. 1.
14. Ranke L. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. — Leipzig, 1867. — Bd. 2.
15. Петров М. Н. Томас Мюнцер. Эпизод из истории церковной реформы в Германии. — Х., 1866.
16. Лучицкий И. В. Мишель Лопиталь и его деятельность по отношению к французским религиозным партиям XVI в.//Университетские известия. — 1870. — № 10.
17. Лучицкий И. В. Гугенотская аристократия на юге после Варфоломеевской ночи. — СПб., 1870.
18. Лучицкий И. В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. — К., 1871. — Вып. 1–2.
19. Лучицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. — К., 1877. — Т. 1.
20. Клячин В. П. Политические собрания и организация политическая кальвинистов во Франции XVI ст.//Университетские известия. — 1887. — № 4; № 5; № 6; № 7; № 8; № 9; № 11; № 12.
21. Лучицкий И. В. [Рецензия]//Университетские известия. — 1877. — № 4. — С. 53–60. — Рец. на кн.: Любович Н. Н. Марникс де Сент-Альдегонд как политический писатель (1538–1598)//Университетские известия. — 1877. — № 3; № 4; № 5; № 6; № 9.
22. Любович Н. Н. Марникс де Сент-Альдегонд как политический писатель (1538–1598)//Университетские известия. — 1877. — № 3; № 4; № 5; № 6; № 9.
23. Любович Н. Н. История Реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарианство. — Варшава, 1883.
24. Zakrzewski W. Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce. — Jena, 1870.
25. Дмитриев М. В. Антифеодалные тенденции в реформационном движении в Речи Посполитой второй половины XVI в.//Советское славяноведение. — 1984. — № 5.
26. Иванов Ю. Ф. Научная деятельность Н. Н. Любовича//Советское славяноведение. — 1980. — № 4.
27. Ливанцев К. Е. Реформация в Польше//Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1973. — № 1.
28. Кареев Н. И. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. — М., 1886.
29. Бузескул В. П. Реформация и католическая реакция в Польше. — Х., 1888.
30. Погодин А. А. Краткий очерк истории славян. — М., 1915.

Summary

S. Liman. History of Reformation and Religion Wars in the Studies of Medievalists in Ukrainian Lands of Russian Empire, 1805–First Half of 1880s.

Ukrainian medievalists in 1805–first half of 1880s made a substantial contribution into the study of history of Reformation and Religion Wars. They studied the course of Reformation movement in several European countries: Germany, France, Switzerland, the Netherlands, Poland. The most outstanding results were attained by M. N. Petrov (history of the Great Farmers' War in Germany), I. V. Luchitskiy (history of Reformation and Religion Wars in France), N. N. Lyubovich (history of Reformation in Poland). These studies met the level of their contemporary science, many of their findings preserving scientific value up to our days. The attempts of Ukrainian medievalists to treat the history of Reformation first of all in socioeconomic and political aspects must be considered a progressive trend for that time. This trend was an evidence of advanced positivist methodology affecting the Ukrainian historiography since the middle of 19th century.

